

ОБНУЛЯЕМСЯ

Обнуляемся.

Серая морось пылит в окно.

Снега в этом году не допросишься у зимы.

Оттого на дворе небеленое полотно,

безузорные лужи глянцево и темны...

но погодный режим не важен.

Обнуляемся.

Стрелка очертит финальный круг,

оглушают бокалы и очередь римских свеч.

Вдоль экранов остервенело поют и пьют –

пять минут, –

замирая, врастают в чужую речь,

отливая чернильным блеском зрачковых скважин.

Обнуляемся

рокотно под неизменный «Бом-м-м-м»...

Ворожит огонь, пузырьки поднимают взвесь.

Принимая время авансовым платежом,

уповаем на то, что запас на кредиты есть.

На неделю переходим на черепаший.

Обнуляемся.

Диво – уже удлинился день –

оползает сумрак раньше на сто секунд.

Открывая глаза в новорожденном январе,

с замиранием кроткие тихого чуда ждут.

Затухают помалу гирлянды многоэтажек.

ЗВЕЗДОЛЕТ

февраля назойливые мухи

мельтешат в окружье фонаря

коченеют руки тонут звуки

расплетая гомон по ролям

нехотя вращается Земля

кажется совсем заледенела

и замедлив новый оборот

равнодушно в космосе плывет

распыляя споры взвеси белой

безымянный сонный звездолет

вихри галактической поэмки
Млечный Путь растянут за рукав
пышный ворох невесомой крошки
вечность вырезает на трудах
и на хрупких слюдяных окошках
вьет миров спиральные узоры

незаметно катятся века
лед расколот прорубь глубока
в толще беспредельного пространства
если сквозь нее перенырнуть
отыскать другой Кисельный путь
с холодом возможно распрощаться

но ведет планету снежный дрейф
мы на ней посажены на клей
бегство непосильная затея
скроемся в квартирах шелкнем газ
перепало каждому из нас
жалкое наследство Прометея

а когда истает этот сон
мы опять окажемся вдвоем
и глаза отвыкшие от солнца
несинхронно станем протирать
и закрыв февральскую тетрадь
небо акварелью разойдется

ИЗ СНЕГА В СНЕГ

Опадает с непирамидальных июньский снег,
облака, уходя с маршрута, съезжают в клин.
С еле слышным треском с внутричерепных глубин
проецируется на изнанку прикрытых век
воспоминаний порванный диафильм,
подсвеченный голубым.

Первый обрывок: разломы бетонных швов
шахматно делят расхоженный тротуар,
хмуры громады пятиэтажных домов,
слева на кофте хитрый зеленый кот,
с толстым хвостом,
в полосочку, как батон,
щурится сыто.
Вдали розовеет шар,
тучки на юбке ему отвечают в тон...
...Много ступенек, долгие этажи...
жирная бабочка возле звонка кружит...

Это где-то в молочном, трогательном году,
до пришествия ножек Буша и ГКЧП,
я за руку с мамой впервые в гости иду
и голову запрокидываю на ходу,
чтобы лучше запомнить душистый липовый цвет
и закатный свет.

Дальше быстрее, сорвались кадры в галоп:
солнце, застрявшее в клумбе среди космей,
классики, велосипеды, конфет кулек,
рации из спичечных коробков...
волосы с каждым июнем темней, длинней...
Тянутся башни всеведущих тополей,
тени роняют кудрявые на асфальт,
учат, что прожитого не должно быть жаль.

Собирая на скотч разномастные склейки дней,
я миную былое послойно – к витку виток,
разгорается лампы проекторной уголек,
но в короткие сумерки многого не успеть...

По спине пробегает предательский холодок,
а в груди комок.

...Раннее утро, прохладное, тишь и блажь,
ходят соседи, родня и полно чужих...
зеркало в трауре, зеркало – проводник...

Белые пятна, обрыв, перекося, монтаж...

К влажной обивке дивана прильнув щекой,
байковый бабушкин вдвое свернув халат,
я засыпаю теперь неизменно так –
мир невозвратно холодный передо мной.

По небрежным кварталам оград позади аллея
подойду к могилке, протру деревянный крест.
Две гвоздики, песок, белый пух, ни души окрест.
Это завтра, а нынче немножечко пожалей...
пожалей беспокойную голову.

Гаснет синь,
и смежает измор воспаленные своды век.
Принимаю сценарий, роптать зарекусь.
Аминь.

Под участливым взглядом взлохмаченных тополей
мы идем из июня в июнь, собирая свет.
Из снега в снег.



Все качается, знаешь, от знамени до креста.
Все кончается даже у тех, кто живет до ста.
От сухого куста не останется и листа...
Растекаются лица, расползается пустота
ядовитым газом.

Превращаются планы в тонкий свечной дымок.
Ни терпенья, ни мужества не заготовить впрок –
пусть в конечном итоге каждый не одинок
оказался бы по желанию, если б смог,
узелок развязан.

И последний развязан, и прежние все узлы.
Расставания преждевременные тяжелы.
Но по пеплу мостов разбросанные угли
указуют отчетливо сухо – не сберегли.
Да и поздно плакать.

Между тем по проталинам бесится детвора,
утомительно неиссякаема и пестра,
посылает безоговорочное «ура»
в сердцевину седого облачного нутра,
в кучевую мякоть.

Посмотри на этих зверенышей, посмотри!
Не закрыто для них ни одной потайной двери,
их куда-то уносят июни и декабри,
чтоб в измотанных клонов по кальке перекроить
и огня не стало.

Где-то должен быть камень шлифованный, путевой,
у которого время натянуто тетивой,
чтоб в обратную сторону к станции нулевой,
заглушая считалкой густой энтропийный вой,
усвистать в начало.